

**ИОГАНН
ВОЛЬФГАНГ
ГЁТЕ**

ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ

Иоганн Вольфганг Гёте Герман и Доротея

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41251754

Страдания юного Вертера : [сборник] / Иоганн Вольфганг Гёте: АСТ;

Москва; 2019

Аннотация

«Герман и Доротея» – лирический шедевр о любви простого немецкого крестьянского паренька к случайно встреченной на дороге юной беженке из охваченной войной Франции.

Содержание

Каллиопа	5
Терпсихора	15
Талия	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Герман и Доротея

© Перевод. С. Ошеров, наследники, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Каллиопа

Судьба и участие

«Я не видал, чтобы рынок и улицы были так пусты.
Будто метлою прошлись по городу нашему, будто
Вымер он... Жителей в нем и полсотни, кажись, не
осталось:

Что любопытство творит! Полетели вперед, как шальные.
Чтобы хоть глазом взглянуть на обозы беженцев бедных.
Добрый час до пути, где печальные тянутся фуры,
Но устремилась толпа, задыхаясь от зноя и пыли.
Я же с места не сдвинусь, чтоб видеть злосчастную долю
Честных людей, принужденных тащиться с добром
уцелевшим.

Бросив родные места за Рейном, к нам перебраться,
В мирные наши углы, и по этой цветущей долине
Путь совершать, повинуюсь изгибам ее прихотливым.
Ты поступила похвально, жена, что по добросердечью
С сыном послала одежду, а с ней кое-что из съестного
Людям, попавшим в беду. Пособлять – добродетель
имущих.

Ишь, как малец покатыл, как славно правит конями!
Знаешь, неплох шарабан! Новехонек, прочен, удобен.
Четверо в нем поместятся да спереди кучер на козлах.
Нынче один он поехал и тут же свернул в переулок», –
Так, опустясь на скамью у дома, насупротив рынка,

Молвил супруге довольный хозяин «Льва золотого».
И отвечала хозяйка разумно и простосердечно:
«Я расстаюсь, муженек, неохотно с тряпицею каждой.
Мало ль что может случиться – ее и за деньги не сыщешь,
Ежели надобность будет. Сегодня ж с открытой душою
Много я собрала рубашек и старого платья.
Нитки живой, говорят, на тех бедняках не осталось.
Я повиниться должна. Ведь кое-чего не хватает
И у тебя в гардеробе... Хотя бы халата из ситца
В пестрых индийских цветах, на фланелевой теплой
подкладке.

Знаешь ли, он прохудился и стар, да и вышел из моды».
Но отвечал, усмехаясь, жене добродушный хозяин:
«Все-таки жаль мне халата: хоть старенький был он,
признаться,
Да настоящий, индийский. Такого теперь не достанешь.
Бог с ним, его не носил я. Ведь нынче хотят, чтоб
мужчина,
Встав, надевал сюртук, в длиннополый кафтан
наряжался,
Ногу сжимал башмаком – не в чести колпаки
и пантофли».

«Глянь, – возразила жена, – уже возвращаются люди
С тракта большого. Должно быть, обозы проехали
дальше.

Как башмаки у всех запыленны! Как раскраснелись
Лица... Бредут, отдуваясь, фулярами пот утирая.
Нет уж, так далеко, да в жару, на зрелище это
Не побегу я глазеть. С меня и рассказов довольно!»

Многозначительно глянув, в ответ отозвался хозяин:
«Ну, не скажи! Погода отменная нынче для жатвы,
Хлеб мы сухим уберем, как сухим недавно убрали
Сено. На́ небе ясном и тучки нет на примете.
И спозаранку хлеба ветерок овеваает прохладный.
Установилась погода. Пшеница наша доспела.
Завтра снимать урожай мы примемся, с помощью
божьей».

Так говорил он; меж тем обыватели шли через рынок,
Всё прибывая в числе, по домам растекаясь неспешно.
Вот и сосед с дочерьми пересек оживленную площадь,
Резвых коней осадив у ворот подновленного дома,
Наискосок от трактира. Купец богачейший в округе,
Ехал он в легкой коляске (ландауской чистой работы).
Людными улицы стали, то был городок населенный.
Много в нем фабрик имелось, ремесла в нем процветали.
Так у ворот сидела чета, благодушно толкуя,
Острым словечком порой забавляясь насчет
проходящих.

Тут обратилась к супругу хозяйка достойная, молвив:
«Видишь, пастор идет, а с ним и почтенный аптекарь,
Добрый сосед наш. От них до подробности все разузнаем,
Что им увидеть пришлось и что видеть не радует сердца».

Дружески оба они подошли и чете поклонились,
На деревянную лавку под вывеской самой присели
Пыль с башмаков отряхнуть, обмахнуться платками от
зноя.

После приветствий взаимных аптекарь, молчанье

нарушив,

С видом достаточно хмурым взглянул на прохожих
и начал:

«Люди всегда таковы. Меж ними различья не вижу –
Рады пойти поглазеть, если с ближним беда
приключится.

Каждого тянет взглянуть на свирепое пламя пожара
Или потешиться страхом преступника, ждущего казни,
Так вот любой и нынче бежит поглядеть на несчастье
Беженцев бедных, а сам-то и в мыслях того не имеет,
Что испытаньям таким подвергнется тоже, быть может.
Грех столь беспечным быть, но это сродни человеку».

Но возразил благородный и мудрый священнослужитель,
Юноша, близкий к поре возмужанья, города гордость, –
Жизнь он познал глубоко, разглядел ее скрытые нужды
И, просветленный высоким значеньем Святого писанья
(Этим ключом к помышленьям и судьбам существ
человечьих),

Также изрядно знал и лучшие книги мирские, –
Он-то и молвил: «Не слишком суров я к стремленьям
невинным,

Коими добрая мать-природа людей наделила:
Разуму и пониманью порой нелегко подступиться
К сути вещей, до которой доходим наитьем счастливым;
Если бы не любопытство с его притягательной силой,
Разве б открыл человек чудесное соотношение
Разных частей мирозданья? Сначала он к новому рвется,
После – полезного ищет с прилежностью неутомимой

И, наконец, приходит к добру, свой дух возвышая.
В юности спутник веселый – беспечность – пред ним
заслоняет

Близящуюся опасность, врачует любые недуги,
Ранам несет исцеленье, лишь горе от сердца отляжет.
Ясно, того предпочтешь, кто сумел в дальнейшие годы
Этой веселости духа разумное дать постоянство

И к своему неослабно стремиться в счастье и в бедах,
Горечь утрат возмещаая вовек нескудеющим благом».

Пастора мягко прервала, томясь нетерпеньем, хозяйка:
«Что там видали – скажите? Об этом узнать я хотела!»
«Трудно мне будет, – ответил с внушительной миной
аптекарь, –

После того, что я видел, вернуться к веселости прежней,
Разве кто сможет поведать о разнообразных мытарствах?
Мы еще в дол не спустились, как стала видна в отдаленье
Пыль над проселком. Чредой от холма до холма
бесконечно

Фуры тянулись. В пыли ничего различить не могли мы.
Только достигнув дороги, впродоль прорезавшей
долину, –

В гуще возов и людей мятущихся мы очутились.
Много еще перед нами прошло горемык бесприютных,
Здесь-то мы и узнали, как тяжело и горько изгнание
И до чего хорошо сознавать, что жизнь уцелела.
Больно было, друзья, смотреть на скарб всевозможный.
В доме его не заметишь, затем что добрый хозяин
Все порасставит умело да с толком, чтоб каждая мелочь
Сразу была на виду, – все будет на пользу, сгодится, –

Нынче, любуйся, все это нагромождено на подводки,
Без толку, как приведется, накидано в бегстве
поспешном!

Шкаф, а на нем решето с шерстяным одеялом
в соседстве.

Выпер матрац из корыта, а зеркало под простынею.

Ах! Как мы видели это лет двадцать назад на пожаре:

Страх до того людей лишает ума, что нередко

Ценное бросят они, а безделицу из дому тащат.

Так же, глядишь, и теперь с неразумным усердием люди

Всякую рухлядь везут, лишь коней да волов утруждая:

Бревна гнилые да бочки, насесты для кур и кастрюли...

Женщины и ребятишки плетутся, под ношей сгибаясь,

Тащат узлы, кадушки, набитые хламом ненужным.

Да, человеку трудненько с последним добром
расставаться.

Так, в беспорядке, в смятенье, дорогой знойной
и пыльной,

Длинный тащился обоз: одни, на заморенных клячах,

Ехать шажком норовят, другие коней понукают.

Вдруг мы услышали вопли детей и женщин теснимых,

Рев и мычанье скота, вперемежку с лаем собачьим,

Охи и стоны больных, мольбы стариков, что высоко

Поверху всяческой клади мотались на жестких матрацах.

Ибо, свернув с колеи, телега в обочину ткнулась,

Резко скрипя колесом; накренилась вдруг и в канаву

Рухнула. В этот же миг людей, закричавших от страху,

Всех на дорогу швырнуло, но, к счастью, никто не
убился, –

Вслед сундуки повалились, но ближе к подводам упали.
Впрямь показаться могло свидетелям дела такого,
Что горемычных бедняг сундуки и шкафы передавят.
Так-то сломалась подвода и на поле люди лежали,
Но напрямик остальные свой путь продолжали
поспешно,

Общим потоком влекомы и лишь о себе помышляя.
Кинулись мы на подмогу – и видим: больные и старцы,
Те, для которых и дома страдания долгие были
Невыносимы, стеная, лежат на земле распростерты,
На солнцепеке полдневном, в сухой удушливой пыли».
Тронутый речью такой, отвечал сердобольный хозяин:
«Хоть бы их Герман нашел и помог им платьем и пищей.
Я б не хотел их видеть. Мне тяжело быть зрителем горя.
Только прослышав о нем, мы растрогались и, не
помедлив,

Малую лепту от наших излишков отправили, чтобы
Помощь подать хоть немногим и этим себя успокоить.
Но для чего воскрешать картины печальные? Разве
Страх иль забота подчас и так не терзают нам душу?
Мне же такая напасть и самого зла ненавистней.
В комнату заднюю лучше пройдем, там, кстати,
прохладно,

Солнце там не гостит и жарница сквозь плотные стены
Не проникает нисколько, а матушка полную чарку
Сорокалетнего нам принесет, чтоб забыться могли мы.
Здесь не успеешь и выпить, как мухи обсядут стаканы».
И удалились они и прохладой себя усладили.
Вот принесла им хозяйка вина стародавнего в темной

И засмоленной бутылке на цинковом круглом подносе,
Зеленоватые рюмки, в которых ренвейн золотится.
Чинно уселись втроем они за коричневый, прочный
Отполированный стол, приросший ножками к полу.
Звякнули рюмками тотчас сердечный хозяин и пастор,
Только аптекарь сидел, склонившись в раздумье
глубоком.

И обратился к нему хозяин с приветливым словом:

«Ну-ка, сосед, отхлебни. Покуда нас от несчастья
Бог бережет и в своем милосердии не покидает.
Всяк согласится, что с дней приснопамятной кары
господней,
Испепелившей наш город, к нам был благосклонен
всевышний;
Нас он берег неустанно, как мы охраняем от порчи
То, что всего драгоценней, – зеницу нашего oka.
И неужели ж он впредь не будет к нам милостив также?
Только в опасностях мы познаем вседержителя силу.
И неужели ж тот город цветущий, который недавно
На пепелище возвел он руками граждан прилежных,
Вновь он сметет, чтобы прахом пошли все наши усилия?»

Бодро заметил на то примерный священнослужитель:
«Веруйте в господа твердо, пребудьте тверды
в убеждениях,
Ибо и в счастье они укрепляют наш дух, а в несчастье
Нам облегченье несут, утешая прекрасной надеждой».

И отозвался на это хозяин разумно и веско:

«Как я глядел умиленно на волны могучего Рейна,

Если по сделкам торговым случалось к нему приближаться!

Мне он огромным всегда представлял, мой дух возвышая.

Но не гадал я, не думал, что этот излюбленный берег

Вскорости валом послужит, чтоб сдерживать натиск французов,

Рвом защитительным станет его величавое русло.

Как ограждает природа, как немцы страну ограждают,

Так и господь оградит нас, – кто в этом дерзнет усомниться?

Всех утомила вражда, и чуется мир недалеко,

Эх, кабы только дожждаться счастливой минуты, как в церкви

Колокола и орган в честь праздника с трубами вкупе

В хор сладкозвучный сольются, напеву вторя «Те Deum»;¹

Рад бы я был, если б Герман в тот день предстал перед вами

У алтаря со своею невестою, пастор любезный,

Чтобы торжественный день, встречаемый всею страной,

Стал мне отраден вдвойне, как собственный праздник семейный.

Как-то неловко глядеть на взрослого парня, который

Дома всегда расторопен и боек, но робок на людях.

С ними якшаться ему, видать, удовольствия мало,

Даже девичьего круга чуждается он, равнодушный

¹ «Тебя, господи» (лат.) – начальные слова молитвы.

К танцам изящным, юность влекущим к себе неизменно».

Так рассуждая, он слушал внимательно; вдруг издалека Топот слышался конский, колеса вдали застучали, И, грохоча, экипаж подкатил с разбегу к воротам.

Терпсихора Герман

Только в раскрытых дверях показался сын благонравный,
Тотчас же пастор в него проницательным оком взгляделся,
Весь его облик окинул, следя за его поведением,
Как наблюдатель, привыкший читать сокровенное
в лицах,

И, озаряясь улыбкой, приветливо юноше молвил:

«Вас подменили как будто, досель не случилось ни разу
Видеть веселость такую в глазах ваших, в каждом
движенье!

Чем-то вы очень довольны! Должно быть, этим
несчастливым

Роздали вы подаянье и радостью их умилились».

Скромно на эти слова отвечивал юноша чинный:

«Стою ли я похвалы – не знаю, но мне повелело

Сердце так поступить, как рассказ мой об этом покажет.

Матушка, вы, извините, так долго тряпье мне искали,

Узел с таким опозданием сготовили мне на дорогу,

Пиво, вино и съестное столь бережно клали в корзины,

Что не успел я далеко отъехать от нашего дома,

Как потекла мне навстречу толпа горожан любопытных –

Жены, ребята. Уж были изгнанники в поле далеко.

Я лошадей подхлестнул и быстро помчался в деревню,

Где беглецы, как слышал я, намерены стать на ночевку.
Только свернул я с пути на проселок, как вдруг
заприметил

Фуру из крепких жердей, неспешно влекомую парой
Крупных и дюжих волов иноземной, как видно, породы.
Девушка рядом шагала, привычно и мерно ступая,
Длинным бичом на ходу понукая сильных животных.
То их подгонит вперед, то движеньем сдержит умелым.
Выждав, пока экипаж поравнялся с медлительной фурой,
Девушка молвила мне: «Поверьте, подобного горя,
С коим встречаетесь вы, доселе судьба нам не слала.
Мне подаянье просить еще не привычно, тем боле
Что подают его часто, чтоб нищего только спровадить.
Все ж заставляет нужда говорить. На охапке соломы
Нынче жена богача от бремени тут разрешилась.
Мука была для нее на волах по ухабам тащиться.
Мы потому и отстали, что еле дышит бедняжка,
Новорожденный лежит нагишом у нее в изголовье,
Только немногим помочь ей наши попутчики могут,
Если в ближайшей деревне, где мы ночевать собирались,
Нам их удастся найти, – но боюсь, что они уж в дороге.
Может быть, лишний кусок холста раздобудете; если
Неподалеку живете, тогда помогите несчастной».

Так говорила она, и, бескровная, сияясь подняться,
Взор обратила ко мне роженица. И отвечал я:
«Добрим сердцам вседержитель воистину часто внушает
Мысль о нужде, предстоящей неведомым нашим
Собратьям:

Матушка, будто предвидя такую беду, мне вручила
Разного платья, чтоб я оделил им нагих и бездомных». Узел я вмиг распустил и, сверток раскрыв, ей отцовский
Подал халат и вдобавок холстины ей дал и рубашек...
Женщина, вся просияв, вскричала: «Не верят
счастливицы,

Что на земле чудеса и ныне творятся. Лишь в горе
Видишь всевышнего перст, указующий людям дорогу
К добрым делам. Через вас помог нам господь, и на вас же
Милость прольется его». И ощупывать стала холстину
И восхвалять, особливо подкладку из теплой фланели.
«Время не терпит, – заметила девушка, – едем
в деревню,

Где до утра на привале пробудут попутчики наши.
Там смастерю для ребенка я всякую всячину за ночь». Снова и снова меня поблагодарив на прощанье,
Дюжих стегнула волов, и фура поехала. Я же
Наших сдержал лошадей, размышляя, как быть: самому
ли

Ехать мне в эту деревню и там съестные припасы
Между людьми разделить иль сподручнее тут же на месте
Девушке все передать, чтоб голодных сама оделила.
Но, порешив на втором, я тронул коней и поехал
Следом за нею, догнал и сказал торопливо: «Простите,
Добрая девушка! Вот я опять. Не одну лишь холстину
Мать уложила в коляску, чтоб мог приодеть я нагого,
Не позабыла она о съестном и напитках различных.
В ящике, что позади, – того и другого немало.
Я и надумал: вручу тебе и эти подарки.

Так-то я лучше всего свое порученье исполню.
Ты их со смыслом раздашь, а я – положившись на случай».

Девушка мне отвечала: «От сердца вам обещаю
Вправду порадовать ими того, кто нуждается больше».
Так мне сказала она. Поспешил я к задку экипажа,
Хлеба ковриги извлек, тяжелые вынул колбасы,
Фляги с вином и пивом и передал девушке в руки.
С радостью дал бы еще, но уже ничего не осталось.
Все приношенья у ног роженицы та уложила
И поспешила в деревню, а я повернул себе в город».

Только Герман замолк, как вмешался в беседу аптекарь
Словоохотливый: «Счастлив, кто в годы смуты, скитаний
И неурядиц живет один-одинешенек в доме.

Тот, в ком жена и малютки в тревоге не ищут защиты.
Мне это кажется счастьем! Да я ни за что б не решился
Нынче отцом называться, дрожать за жену и детишек.
Верите ль: неоднократно подумывал я об отъезде,
Лучшее в путь отбирал – старинные деньги и броши,
Матери милой наследство, – из них ничего я не продал.
Правда, со многим пришлось бы расстаться как
с бременем лишним,
Даже с лекарственной травкой, добытой с такими
трудами.

Было б и этого жаль, хоть стоит она и бесценок.
Если останется в доме провизор – уйду я спокойно.
Спас я наличные деньги и брнное тело, так, значит,
Все спасено! Не в пример одинокому легче укрыться».

«С вами, сосед, – возразил убежденно юноша Герман, – Я не согласен. Мне речи подобные дики и чужды.

Тот не мужчина, кто в счастье и бедах, ниспосланных свыше,

Думает лишь о себе, не стремится ни грусть, ни веселье
С ближним делить и к тому побужденья не чувствует даже.

Именно в наши дни я б охотно на брак согласился, –
Сколько достойных девиц нуждается в мужней опоре,
Сколько мужчин без жены лишено утешенья
в несчастье».

Молвил с улыбкой отец: «Вот это мне радостно слышать,
Речью приятной такой ты родителей жаловал редко».

Тут перебила отца добросердная матушка, молвив:
«Правда твоя, сынок, – поступай, как мы поступили,
Ибо нашли мы друг друга не в пору довольства и счастья.
Узами крепкими нас злополучное время связало.
Был понедельник – отлично я помню, ведь накануне
Страшный случился пожар, превративший в пепел наш
город

Двадцать годов назад, как раз в воскресенье, как нынче.
Жаркое выдалось время, и город совсем обезводнел,
Шел на гулянье народ, разодетый праздника ради,
Кто потянулся в корчму, кто на поле, кто на плотину.
Где-то в предместье пожар занялся, и пламя вдоль улиц
Вихрем пустилось вперед, самое себя подгоняя...
Житницы, полные хлебом, незадолго снятым, пылали.

Улицы сплошь погорели до самого рынка. От искры
Домик отца занялся, а с ним по соседству и этот.
Самую малость спасли мы; на выгоне я просидела
Всю эту страшную ночь, сторожа сундуки и постели,
Но под конец задремала. Когда ж провозвестница утра,
Ранняя свежесть, меня, до костей проняв, разбудила,
Дым я увидела, гарь да голые стены и печи.
Сердце заныло от боли. Но солнце, обычного краше
И лучезарней, взошло и наполнило бодростью душу.
Я поспешила подняться. Меня потянуло увидеть,
Что от дома осталось и живы ль цыплята, которых
Так я любила. Не смейтесь, ведь разум-то был еще
детский!

Тою порой, как я по развалинам тлевшим бродила,
Глядя на пепел и прах – на остатки от дома родного,
Ты в стороне показался, чего-то ища сокрушенно:
Лошадь застряла в конюшне, но только чернели средь
щепня
Груды дымящихся бревен; скотины же – как не бывало.
Так, в нерешимости, грустно стояли мы друг против
друга –
Не было больше ограды, что наши дворы разделяла.
За руку взял ты меня и сказал неожиданно: «Лизхен,
Как ты попала сюда? Уходи! Обгорят ведь подошвы.
Пепел горяч, как огонь, сапоги – и то прожигает».
Ты меня поднял легко и понес по тропинке, пролегшей
Вдоль по двору. Ворота́ с полукруглым сводом стояли
Там, как поныне стоят. Это все, что осталось от дома.
Наземь меня ты поставил, целую, а я застыдилась.

Ты ж обратился ко мне с приветливой, вкрадчивой речью:

«Видишь, в разоре мой дом! Останься! И новый отстроить

Мне помоги! А в ответ я отцу твоему порадею».

Я ничего не смекнула, покуда к батюшке тайно

Мать не послал ты и сговор не кончился радостной свадьбой.

И с благодарностью чистой поныне я вспоминаю

Грудю обугленных балок и великолепное утро,

Давшие мне дорогого супруга. Первые годы

Страшной разрухи совпали с младенчеством милого сына.

Вот почему и хвалю широту твоих побуждений,

Сын мой, что в трудные дни о невесте ты помышляешь

И не чураешься брака в годину войны и разора».

Тут вмешался отец и сказал с большим оживлением:

«Мысли такие похвальны, к тому же не вымысел праздный,

Женушка, весь твой рассказ, – он верен от слова до слова.

Только что правда – то правда. Не каждому жребий назначен

Сызнова все начинать, о безделице всякой заботясь,

Да и не всем надрывать, как нам и другим приходилось.

Благо тому, кто в наследье устроенный дом получает,

Приукрашать лишь его остается такому счастливцу, –

Трудно начало во всем, а в хозяйстве домашнем тем паче.

Уйма вещей нужна человеку тут каждодневно.
Все дорожает – и, значит, готовь деньжонок побольше.
Вот почему на тебя уповаю, мой Герман, что вскоре
В дом отцовский введешь ты невесту с хорошим
приданым,
Ибо порядочный парень достоин богатой девицы.
Ведь особенно приятно, когда за женошкой славной
Следом явится в дом и добро в сундуках и корзинах.
Умная мать неспроста запасает для дочки полотна,
Из года в год их готовя из тонкой и прочной кудели,
Крестный, глядишь, серебро столовое приберегает,
И потихоньку отец золотые ссыпает в шкатулку
С тем, чтобы девушке также порадовать было возможно
Юношу, ей предпочтенье отдавшего перед другими.
Я-то ведь знаю, как вольно жена себя чувствует в доме,
Если знакомую утварь на кухне и в комнатах видит.
Скатерть своя на столе, одеяло свое на кровати.
Только невесту с достатком я принял бы в дом свой
охотно!
Нищую станет супруг презирать и начнет обходиться,
Как со служанкою, с ней, что служанкой пришла
с узелочком,
Люди несправедливы, а время любви скоротечно.
Да, мой сынок, ты б утешил отцовскую старость, когда бы
Ввел в свой родительский дом долгожданную дочку-
невесту
Вот из того голубого, стоящего наискось дома.
Ведь богатеи-то хозяин. От лавок и фабрик доходы
Он каждодневно считает. Купец и теперь не внакладе.

Трое детей у него – три дочери. Им по наследству
Все перейдет. У старшей – жених. Второй же или третьей
Можно еще добиваться, но надобно быть расторопней.
Будь я на месте твоём, я не стал бы раздумывать долго.
Девушку вмиг отхватил бы, как маменьку я умудрился».

Скромно отвечивал Герман, отцовскою речью
смущенный:

«Верно, я вам не перечил в желании вашем и думал
Дочку соседа просватать. Давненько мы знаем друг друга,
Сызмала вместе на рынке играли мы с ней у фонтана.
Часто от дерзких мальчишек в ту пору ее защищал я, –
Все это прошлое дело. Постарше девушки стали.
Время проводят в дому, недостойных забав избегая.
Слишком они щепетильны. Ходил я, как старый
знакомый,

Время от времени к ним, сообразно с желанием вашим,
Но неприятно мне было в их пышном и чопорном доме.
Там задирали меня, там выслушивать мне приходилось:
Дескать, сюртук длиннополый, сукно неказисто и грубо,
Дескать, причесан нескладно, и волосы дурно завиты.
Тут и взбрело мне на ум нарядиться, подобно тем самым
Купчикам, что в воскресенье насупротив ходят, красуясь,
И полушелком дрянным щеголяют целое лето.
Только я вскоре заметил, что не к чему были старанья,
Горько мне сделалось, гордость моя возмутилась, всего
же

Было больней потому, что моим побуждениям добрым
Отклика я не нашел, особливо у Минхен, у младшей.

Ибо, когда напоследок явился я к ним перед Пасхой
В новом камзоле, который с тех пор и висит в гардеробе,
Был я не хуже других наряжен и причесан по моде.
Только вошел я, они захихикали. Я не смутился.
За клавикордами Минхен сидела, был тут же родитель.
Слушал он дочери пенье, блаженствуя, тая от счастья.
В песенке этой, однако, я многого просто не понял,
Только и слышал все время «Памина» и следом
«Тамино».

Вставить словцо захотелось и мне. Лишь Минхен
замолкла,

Робко спросил я о тексте, об тех неведомых лицах.
Прыснули со смеху все, на вопрос не ответа. Отец же
Молвил: «Должно быть, он знает одних лишь Адама
и Еву!»

Хохот общий раздался. Смеялись девушки звонко,
Юноши вторили дружно, отец за бока ухватился.
Выронил шляпу из рук я, горя от стыда, а насмешки
Не унимались кругом, что б ни пели они, ни играли.
И поспешил я домой, досадой томим, оскорбленный,
Запер камзол свой в шкафу, растрепал щегольскую
завивку,

Дав себе крепкий зарок – в этот дом ни ногою отныне.
Был я по-своему прав – бессердечны они и надменны.
Ходит молва, что у них я досель прозываюсь «Тамино».

Мать возразила на это: «Не должен бы, Герман, так долго
Быть на девиц ты в обиде, по сути они еще дети.
Минхен, ей-богу, добра и тебя посейчас не забыла,

Давеча лишь о тебе справлялась, ее и засватай».

Сумрачно сын отвечал: «Не знаю, уж слишком глубоко
То оскорбленье проникло мне в душу, и я не хотел бы
Видеть ее за клавиром и вновь ее песню услышать».

Вспыхнул мгновенно хозяин и голос на сына возвысил:
«Мало ты счастья принес мне! Про это не раз толковал я,
Видя, как ты отдаешь предпочтенье лишь коням да плугу.
То, что работник последний у честных людей выполняет,
Делаешь ты. Между тем отец твой без сына, который
Честь бы ему приносил, вращаясь средь граждан
достойных.

Мать неизменно меня бесполезной надеждой кормила
С дней твоих школьных, когда не хотел ты прилежно
учиться

Чтению-письму, как другие, и в классе считался
последним.

Так-то бывает всегда, если малый лишен самолюбья
И полагает излишним расти и умом возвышаться.

Если б со мной возились, как я провозился с тобою,
Определили бы в школу, держали б учителя в доме, –
Верь мне, я был бы почище хозяина «Льва золотого»!»
Сын поднялся и, ни слова не молвив, направился к двери,
Бледный, но с виду спокойный, а следом отец
раздраженный

Бросил ему: «Убирайся, тебя-то я знаю, упрямец!

Ну и ступай себе с богом хозяйничать, чтоб не серчал я.
Лишь на носу у себя заруби, что крестьянскую девку
В дом ко мне не введешь как жену, – с мужичьем не

якшаюсь!

Жил я на свете немало и знаю с людьми обхожденье –

Я господам угождаю и дамам, и всякий бывает

Мною доволен, – уж я подольститься к проезжим умею.

Но потому и хочу, чтоб невеста сполна возместила

Все, что я сделал для сына, заботы мои и расходы.

На клавикордах пусть дочка играет, и пусть в моем доме

Знать городская всегда с удовольствием, столь же
отменным,

Ежевоскресно бывает, как там, у соседа». Дверную

Ручку тихонько сын повернул да из комнаты вышел.

Талия

Граждане

Так от сердитых попреков послушный юноша скрылся.
Но продолжал отец разглагольствовать в этом же духе:
«Если чего-либо нет в человеке – того и не будет.
Вряд ли дождусь исполненья своих задушевных желаний,
Чтоб не таков, как родитель, был сын мой, а много
повыше.
Ибо что случилось бы с домом, что случилось бы с городом,
если
Каждый из нас не старался б поддерживать их, обновлять
их
И украшать на манер иноземный, по нынешней моде.
Ведь человек не гриб, чтобы где-нибудь вылезть в овраге,
Покрасоваться да сгнить на том же месте, где вырос,
Бренного существованья ничем на земле не отметив.
Глядя на дом, без труда угадаешь, каков здесь хозяин, –
Так же как, в город въезжая, поймешь, кто его опекает.
Там, где обрушились башни и стены, где в каждой канаве
Мусор скопился и мусор на улице каждой навален,
Там, где кирпич отстает и на место его не посадят,
Балки прогнили и дом месяцами ждет не дождется
Новой подпоры, – там явно блюстители города плохи.
Где чистоту и порядок внедрять не стараются свыше,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.